

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-174-185>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Е.А. Андрущенко
г. Москва, Россия

НЕКРАСОВСКАЯ АНКЕТА К.И. ЧУКОВСКОГО И Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Аннотация: В статье идет речь об ответах Д.С. Мережковского на вопросы знаменитой некрасовской анкеты К.И. Чуковского. Предлагая ее своим современникам, Чуковский частично напечатал ответы в «Летописи Дома литераторов» (1921). В преамбуле он отметил решающую роль модернистов в актуализации наследия поэта в XX в. Во второй (1926) и третьей (1930) редакциях Чуковский изменил состав опрошенных поэтов, что свидетельствует о его тактике как публикатора, отражавшего новую литературную иерархию. Трижды публикуя некрасовскую анкету, он адаптировал принятые им решения к тем представлениям, которые сложились к моменту его работы над материалом, и руководствовался текущей социокультурной ситуацией. В статье уделяется существенное внимание черновому автографу ответов Д.С. Мережковского (1919), частично вошедших в первую публикацию и полностью напечатанных лишь в 1988 г. Мережковский более откровенно судил стихи о народе, подозревая Некрасова в спекулятивном использовании этой темы, и обнажил свое истинное отношение к «женскому» и «мужскому» началам русской культуры. В ответах Чуковскому происходит разрушение искусственной конструкции, которую он воздвиг в работах «Две тайны русской поэзии» и «Поэт вечной женственности». Интуитивно-тонкое и убедительное определение доминант русской культуры в случае с Некрасовым споткнулось о противоречие, проявившееся в ответе. На самом деле Мережковский мыслил Некрасова принадлежащим к «мужской» линии культуры как деятельной и активной, а не к созерцательной и пассивной творческой силе.

Ключевые слова: Чуковский, Некрасов, Репин, Мережковский, Тургенев, некрасовская анкета, черновой автограф.

Информация об авторе: Елена Анатольевна Андрущенко — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: Andrushenko2013@gmail.com

Дата поступления статьи: 17.07.2022

Дата одобрения рецензентами: 30.07.2022

Дата публикации: 29.03.2023

Для цитирования: Андрущенко Е.А. Некрасовская анкета К.И. Чуковского и Д.С. Мережковский // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 174–185.

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-174-185>

В 1919 г. К.И. Чуковский начал работу над анкетированием выдающихся современников о Н.А. Некрасове. Он сформулировал 10 вопросов об отношении к его поэзии и личности. Впервые некоторые ответы были опубликованы в юбилейный для поэта год в «Летописи Дома литераторов» (1921). Во вступительной заметке Чуковский писал: «Одно время в литературных кругах полагали, будто бы ценителям поэзии не подобает восхищаться Некрасовым. Было принято называть его поэзию прозой. Говорили, что, если бы он не писал на социально-политические темы, он давно был бы забыт, как поэт; что его нельзя поставить рядом с большими поэтами, что даже такие, как Щербина и Мей, значительно выше его» [11, с. 3]. В кратком обзоре Чуковский отметил ощутимую параллель между ростом интереса к поэзии Некрасова и революционными настроениями. Он полагал, что первыми, кто разрушил этот стереотип, стали модернисты: именно они «вознесли его на ту высоту, на которой он находится теперь. Для них было несомненно, что Некрасова можно любить независимо от русской революции, просто потому, что он великий поэт. <...> Модернисты не только никогда не хоронили Некрасова, но первые *воскресли* его, как поэта, первые внедрили в сознание общества мысль, что его поэзия есть поэзия» [11, с. 3]. В качестве авторитетного мнения Чуковский процитировал слова Мережковского, который «писал, что Некрасов “бессмертный русский поэт”, “такой же вечный поэт, как Пушкин или Лермонтов”, и что “мы имеем право, мы должны гордиться Некрасовым перед Европою”» [11, с. 3]. Это цитаты из знаменитой лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), к тому времени несколько раз переизданной и включенной в оба Полных собрания сочинений писателя (1911, 1914).

К числу любителей поэзии Некрасова Чуковский отнес К. Бальмонта, В. Брюсова, Андрея Белого, А. Блока, А. Ахматову, Н. Гумилева и З. Гиппиус. «Когда года два назад я обратился к этим поэтам, — писал Чуковский, — а также к М. Горькому, Д.С. Мережковскому, М. Кузмину, Вл. Маяковскому и С. Городецкому с предложением высказать свое мнение о личности и поэзии Некрасова, они дали о нем следующие отзывы, равно ценные как для характеристики Некрасова, так и для характеристики самих участников этой анкеты» [11, с. 3]. Чуковский уточнил, что не может полностью опубликовать ответы Андрея Белого (поскольку анкета «по каким-то причинам к Чуковскому не попала» [2, с. 286]), а М. Горький ответил не на все вопросы. По характеру публикации очевидно, что ответы печатались выборочно, на некоторые вопросы нет ответов не только А. Белого, но и Городецкого, Маяковского, Мережковского.

Свою публикацию Чуковский озаглавил «Некрасов и мы», но ее вполне можно было назвать «Некрасов и модернисты». В заметке речь шла о решающем вкладе поэтов-модернистов в актуализацию поэтического наследия Некрасова в начале XX в., преобладали они и в списке опрошенных. Н. Лернер обратил внимание на этот материал в числе юбилейных некрасовских публикаций 1921 г.: «В 3-м № “Летописи Дома литераторов”, — писал он, <...> К. Чуковский “Некрасов и мы” (анкета, в которой приняли участие Горький, Андрей Белый, Блок, Гумилев, Мережковский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, — ответами характеризуются не только Некрасов, но и их авторы)» [3, с. 91].

Второй раз ответы на вопросы некрасовской анкеты были напечатаны Чуковским в книге «Некрасов. Статьи и материалы» (1926), тоже в юбилейный год. Как и в первой публикации, они окружены текстом Чуковского — вступительной заметкой и финальным комментарием. «Эту анкету, начатую в 1919 году, — писал Чуковский во вступительной заметке, — я не считаю законченной и в настоящее время. Она еще очень не полна. Но едва ли можно отрицать, что и в таком виде она имеет немалую

ценность для исследователей поэзии Некрасова» [12, с. 388]. В публикации приведены ответы Н. Асеева, А. Блока, А. Ахматовой, М. Волошина, Андрея Белого, С. Городецкого, М. Горького, Н. Гумилева, Вяч. Иванова, М. Кузмина, В. Маяковского, Ф. Сологуба, Н. Тихонова, М. Герасимова, В. Кирилова, А. Крайского, И. Садофьева. Из числа анкетированных исключены Гиппиус и Мережковский, а сам перечень расширен, причем только частично за счет поэтов, об отсутствии которых Чуковский сожалел в первой публикации (Бунин, Минский, Бальмонт, Сологуб). Во вторую из них вошли только ответы Сологуба. Чуковский отметил, что «пролетарские поэты до сих пор на нее почти не откликнулись, за исключением четырех человек, мнения которых и напечатаны ниже. В число современных поэтов мною включен и М. Горький» [12, с. 388]. Как и в первой публикации, в заключительных комментариях Чуковский пояснил противоречивость высказанного Вяч. Ивановым отношения к стихам Некрасова. Его «нет» в ответ на вопрос, любит ли он стихотворения Некрасова, не означало, что он их не знает, не помнит и не ценит: Вяч. Иванов вспомнил многие произведения поэта, снял с полки томик его стихов и цитировал их Чуковскому. К этому примечанию он добавил и комментарий к ответам Н. Асеева, «суровый приговор» которого Некрасову имел, по мнению Чуковского, не окончательный характер.

Включение в публикацию ответов Сологуба документировано лучше всего. В письмах Чуковский дважды обращается к нему с просьбой ответить на анкету: 1 июня и 16 ноября 1923 г. Во втором письме он записывает вопросы анкеты: «1. Любите ли Вы стихотворения Некрасова? 2. Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими? 3. Как Вы относитесь к стихотворной технике Некрасова? 4. Не было ли в Вашей жизни периода, когда его поэзия была для Вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова? 5. Как относились Вы к Некрасову в детстве? 6. Как относились Вы к Некрасову в юности? 7. Не оказал ли Некрасов влияния на Ваше творчество? 8. Как Вы относитесь к известному утверждению Тургенева, будто в стихах Некрасова “поэзия и не ночевала”? 9. Каково Ваше мнение о народолюбии Некрасова? 10. Как Вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?» [14, т. 14, с. 547]. В «Дневнике» разговор с Сологубом об анкете зафиксирован 30 декабря 1923 г.: «Помните о Некрасове! — сказал я ему, намекая на анкету, которую обещал он заполнить. — Да зачем же помнить о Некрасове? Я и так помню Некрасова, — сказал он и стал декламировать, обращаясь ко мне: Украшают тебя добродетели... (Когда упомянул о червонцах, ухмыльнулся, ибо теперь червонцы имеют иное значение, чем в пору Некрасова)» [14, т. 12, с. 130]. Чуковскому удалось получить ответы Сологуба только в 1925 г., о чем в «Дневнике» сделана запись 4 сентября: «Заговорили о Некрасове. Я тут же написал ему анкетный лист, и он, балуясь и шутя, заполнил его. На последний вопрос он даже ответил стишками. Пропускает буквы и слова: ковенно, [не] надо и т. д. “Никто никогда не находил в моих стихах влияния Некрасова. Когда в молодости я послал из провинции свои стихи одному понимающему человеку, он написал мне, что я нахожусь под влиянием Пушкина. Правда, этот человек был математик”» [14, т. 12, с. 246].

В 1930 г. в приложении к книге «Рассказы о Некрасове» Чуковский воспроизвел публикацию 1926 г. и несколько расширил свои комментарии, добавив в финале, в частности, ответы Сологуба на вопросы, сформулированные для него в другой редакции [13, с. 314]. Как пишут комментаторы Собрания сочинений Чуковского, он «привел не все собранные им анкеты. Он не упомянул об ответах З. Гиппиус (вероятно из-за ее эмиграции), а также об анкетах Е. Замятина, Д. Мережковского, Б. Пильняка, И. Репина» [14, т. 8, с. 625]. Отметим, что Мережковский тоже находился в эмиграции вместе с Гип-

пиус, а Репин так и не въехал в Советскую Россию после обретения Финляндией независимости в 1917 г. Так что решение Чуковского не публиковать некоторые ответы диктовалось все же разными причинами.

Репин, с которым Чуковский продолжал переписку в 1920-х гг., ответил на вопросы в письме от 24 марта 1925 г. «1. Некрасова читать вслух народу — большое удовольствие. Народ (помещики тоже народ) знает русский язык и смакует его и понимает все остроты, юмор и тонкие намеки. Напр. “Кому живется на Руси”... Какая певучесть [Какой стиль некрасовский русский язык. Интеллигенты, а особенно нигилисты, совсем не понимали и не ценили русского языка. Помещики знали и умели говорить на нем]. Но, конечно, надо же уметь хорошо читать — тоже — обязательно знание языка. А ведь те, даже попы-семинаристы, так невежественно переиначивают всегда ударения на словах, что народ даже не понимает их чтения. — Народ — язык *блюдет органически: засмеет и презирает невежд языка.* — Вы знаете, я часто читал и здесь и люблю — это — пение: язык кованный, стильный, широкий — требует широких легких. 2. *В детстве я Некрасова не знал*, тогда он еще в *Украину* не доходил. По крайней мере к поселянам... 3. В юности, только в Петербурге, я знакомился с его стихами; но сатир я не любил; и лучшими стихами Некрасова считал всегда “Рыцарь на час”. Брат мой всю эту превосходную поэму знал наизусть и часто читал мне, даже на прогулках, бывало (“по той дорожке в Козьи рожки” на Самарской Луке). Странно, но никто не поверит, но “*Парадный подъезд*”, где “*Бурлаки*” я узнал, уже написавши “Бурлаков”. Даже товарищи стыдили, как это я не читал “Бурлаков” Некрасова. Бывает. И я тогда уже критиковал Некрасова: разве может бурлак *петь на ходу*, под лямкой... Ведь лямка тянет назад — того и гляди — оступишься, или на корни спотыкнешься. А главное: у них всегда лица злые, бледные: его глаз не выдержишь, — отвернешься — никакого расположения петь у них я не встречал; даже в праздники, даже перед кострами с котелком угрюмость и злоба заедала их. “Как за хлеб, так за брань”, помните. И богу помолятся, и шапки скинут; а бес тут как тут...» [8, с. 95].

Комментатор этой публикации не связывал ответы Репина с некрасовской анкетой Чуковского. Он полагал, что анкета «была послана Репину в связи с редакционной подготовкой тома репинских воспоминаний и статей и работой Чуковского над своими воспоминаниями о Репине. Вопрос о Некрасове занимал Чуковского потому, что давно уже среди широкой публики и части художников существовало мнение, будто “Бурлаки” написаны под непосредственным влиянием Некрасова» [8, с. 94–95]. Сам Чуковский ответы Репина не опубликовал, но включил их в книгу своих воспоминаний о художнике в сокращенной редакции. В ней нет реплики, направленной против интеллигентов и нигилистов [14, т. 4, с. 396–397], в других публикациях [9, с. 197–199; 7, с. 51–52] этот фрагмент никак не отмечен.

Ответы на некрасовскую анкету при жизни Чуковского печатались трижды и каждый раз в новой редакции, что вызывает немало вопросов. Они касаются не только мнений, которые были высказаны, но и тех, которые в публикациях отсутствовали. Состав анкетуемых в публикациях Чуковского с 1921 по 1930 гг. менялся, и причиной тому были не вкусовые предпочтения. Чуткий к движению политических и общественных настроений, он исключил имена уехавших из России Мережковского и Гиппиус, добавил ответы Сологуба и молодых пролетарских поэтов. Анкета стала объемнее, представляла теперь мнения не только модернистов, но и пролетарских поэтов, а исключение одних и введение других могло выглядеть как расширение круга опрашиваемых.

***

Ответы Мережковского, частично напечатанные в «Летописи Дома литераторов», давно ставшей библиографической редкостью, полностью опубликованы лишь в 1988 г. Центральной городской публичной библиотекой им. Н.А. Некрасова [7, с. 46–48]. Это издание, названное «путеводителем по выставке», осталось, в сущности, вне поля зрения исследователей творчества Мережковского. Между тем ответы представляют несомненный интерес в связи с некрасовской темой в его творчестве. В ее истолковании, как показывает анкета, Мережковский пережил некоторую эволюцию.

Черновой автограф, сохранившийся в архиве Чуковского, датирован 9 июля 1919 г. Мережковский не выписывал вопросы, а сразу давал ответы и, как свидетельствует автограф, почти не затруднялся с формулировками, лишь иногда выбирая более удачное слово. Отвечая на первый вопрос о том, любит ли он стихи Некрасова, Мережковский писал: «Люблю его, но так, как мы все теперь любим русский народ сквозь боль, сквозь стыд, сквозь ненависть — почти проклятие. Проклятие от той лжи, в которой повинны мы вместе с Некрасовым и за которую теперь так ужасно расплачиваемся. Ложь в идеализации данного состояния народа, как должного, в обожествлении, в поклонении народу, как Богу» (*Мережковский Д.С.* Записи с ответами на вопросы о Н.А. Некрасове, поставленные в анкете К.И. Чуковским [1919] июля 9. Авт. с подписью // НИОР РГБ. Ф. 620. К. 92. Ед. хр. 28. Л. 1). Он вычеркнул слова «страшной» («страшной лжи»), «условной и фальшивой» («условной и фальшивой идеализации») и «обоотворении народа» («в обожествлении обоотворении народа»). Ответ на вопрос о лучших стихах Некрасова был кратким: «Покаянные и особенно предсмертные стихи. Вообще все мысли его о Родине Матери» (там же), как и ответ на вопрос о стихотворной технике: «Техника Некрасова неравномерна: то взлеты, то падения: музыка и скрежет гвоздя по стеклу. Но так и должно быть: неравномерность техники выражает неуравновешенность личности. Более совершенная была бы менее выразительной» (там же). На вопрос о том, не было ли в его жизни периода, когда поэзия Некрасова была ему «дороже поэзии Пушкина и Лермонтова», Мережковский отвечал категорично: «Нет, не было. Некрасов до такой степени в иной категории, чем Лермонтов и Пушкин, что их нельзя сравнивать. Тут не может быть выше и ниже. Кто их сравнивает, тот ничего не понимает в них» (там же. Л. 1–1-об.).

Односложно он ответил и на два следующих вопроса — об отношении к стихам в детстве и юности. На первый он ответил сначала «Не понимал», а затем вписал «Никак», на второй — «Скорее враждебно» (там же. Л. 1-об). На вопрос о том, «не оказал ли Некрасов влияния на Ваше творчество», Мережковский отвечает: «Оказал», затем вычеркнул и вписал «Большое влияние», вычеркнул слово «влияние» и дописал: «По Некрасову я понял религиозную сущность русской общественности» (там же). Эти ответы Чуковский опубликовал в «Летописи Дома литераторов», а ответы на 8, 9 и 10 вопросы — нет.

Восьмой вопрос звучал так: «Как Вы относитесь к известному утверждению Тургенева, будто в стихах Некрасова “поэзия и не ночевала”?» А. Ахматова отвечала: «Мне кажется, что Тургенев говорил это о тех стихах Некрасова, где действительно нет поэзии [11, с. 3]. А. Блок писал: «Тургенев относился к стихам, как иногда относились старые тетушки. А сам, однако, сочинил “Утро туманное”» [11, с. 3]. Гумилев полагал, что «прозаик не судья поэту», а Вяч. Иванов, — что поэзия «может быть, и не ночевала, но во всяком случае приходила к нему по ночам, иногда на минуту, чтобы взглянуть на него безумными глазами, как будто полными укора, и уйти в ночь и ненастье

на осеннюю улицу. Некрасов был по-своему проклятым поэтом, поэтом во всяком случае, но таким, у которого отнята благодать» [11, с. 3].

Мережковский ушел от ответа о поэзии и заговорил о личных отношениях Тургенева и Некрасова, причем рассматриваемых в свете выявленных им «женской» и «мужской» доминант русской культуры. В ответе на вопрос Мережковский писал: «Утверждение Тургенева — величайшая, хотя психологически вполне понятная и естественная несправедливость. Тургенев и Некрасов — два противоположные полюса: один — слишком “женщина”, другой — слишком “мужчина”. Между такими двумя существами может быть только или притяжение, “влюбленность”, или отталкивание, отвращение. Некрасов был безнадежно “влюблен” в Тургенева; а Тургенев от Некрасова отталкивался, отвращался. Существо Некрасова — воля, активность; существо Тургенева — созерцание, пассивность. Созерцание поглощается, пожирается волею, действием, как горячее вещество огнем. Но Некрасов не был достаточно силен, огнен, чтобы пожрать Тургенева. Тургенев ненавидел Некрасова, как женщина ненавидит влюбленного в нее и нелюбимого ею мужчину» (*Мережковский Д.С.* Записки с ответами на вопросы о Н.А. Некрасове, поставленные в анкете К.И. Чуковским [1919] июля 9. Авт. с подписью. Лл. 1-об. – 2.). В своем тексте Мережковский вычеркнул «действие» («воля, действие, активность»), «безволие» («созерцание, безволие, пассивность») и «пожирается пламенем» («горячее вещество пожирается пламенем») (там же. Л. 2.).

Противопоставление Тургенева Некрасову как «женского» «мужскому» представляется удивительным. Еще недавно, в статье «Поэт вечной женственности» (1917), Мережковский писал: «От Петра и Пушкина (потому что Пушкин — певец Петра по преимуществу) к Толстому и Достоевскому — титанам русской воли и русского разума — идет линия нашего мужества, явная, дневная; а ночная, тайная линия женственности — от Лермонтова к Тургеневу: от Лермонтова, певца Небесной Девы Матери (“Я, Мать Божия, ныне с молитвою...”) через Тютчева, певца земной Возлюбленной (“Ты, ты — мое земное Провидение”) и Некрасова, певца земной Матери, — к Тургеневу, уже не только русскому, но и всемирному поэту Вечной Женственности. И, может быть, далее — от прошлого к будущему — от Тургенева поэта к Вл. Соловьеву пророку, а от него и к нам» [4, с. 76]. Здесь Тургенев и Некрасов отнесены к «женской» линии русской культуры. Обратим внимание, что блоковское «как относились старые тетушки» отчасти созвучно этому взгляду.

Противопоставляя Тургенева и Некрасова в анкете, Мережковский как будто сбивается на описание отношений Тургенева и Л. Толстого. В книге «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902) он называл их «одной из труднейших и любопытнейших психологических загадок в истории русской литературы. Какая-то таинственная сила влекла их друг к другу, но, когда они сходились до известной близости — отталкивала, для того, чтобы потом снова притягивать» [6, с. 58]. Предлагая свою разгадку, Мережковский писал, что она состоит «в чрезмерном ясновидении Тургенева»: «Они были как два зеркала, поставленные друг против друга, отражающие, углубляющие друг друга до бесконечности; оба они боялись этой слишком прозрачной и темной бесконечности» [6, с. 60]. В описании взаимоотношений Тургенева и Некрасова в книге «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» (1915) возникает тема неприязненности Тургенева: «“Я чувствую к стихам Некрасова нечто вроде положительного отвращения... От них веет тиной, как от леща или карпа”. “Пробовал я на днях перечесть его стихотворения... Нет, поэзия и не ночевала тут, и бросил я в угол это жеваное папье-маше с подливкой из острой водки”. Это говорит Тургенев» [5, с. 424–425]. Именно это мнение Чуков-

ский использовал в одном из вопросов своей анкеты. У Мережковского приведена еще одна оценка: «И Тургенев признался однажды: “А стихи Некрасова, собранные в один фокус, жгутся”. Почему же он все-таки не выносит их — потому ли, что дурно пахнут, или потому, что жгутся?» [5, с. 426].

В третьей главе книги Мережковский разворачивает тему отношений между Тургеневым и Некрасовым: «Некрасов — “мерзавец”. Некрасов — “великая дрянь”. Некрасову “свойственно надувать людей... Он всегда думает скверное”. В сношениях с ним “держи камень за пазухой, не доверяясь его элегическому плачу”. Фразы его — “фразы из поганных уст”. У него “вонючий цинизм”. Он — “злобно зевающий барин, сидящий в грязи”. Если “он хандрит”, это значит: “Старый наклевавшийся коршун нахохлился, ну и черт с ним!” И в заключение: “Не валандайся ты с этим архимерзавцем Некрасовым”. Это из писем Тургенева. Тургенев и Некрасов когда-то были друзьями. Какая черная кошка пробежала между ними, мы хорошенько не знаем. Кажется, причиной или поводом к ссоре были какие-то деньги, которых Некрасов не отдал Тургеневу. <...> Продолжает ему писать, надеясь на примирение, когда уже никакой надежды нет. “Это письмо вынуждено неотступностью мысли о тебе. Это тебя насмешит, но ты мне последние несколько ночей снишься во сне”. Друг моей юности, ныне мой враг... — вспоминает о нем перед смертью. Тургенев наконец сжалился, приехал к умирающему. Бывшие друзья свиделись и молча заплакали. Тургенев — первый, но не последний враг Некрасова» [5, с. 433]. Видимо, причину противопоставления Тургенева и Некрасова в ответе на вопрос анкеты следует искать в том, как Мережковский понимал «женское» начало русской культуры.

Вот он характеризует Тургенева как человека и как художника в статье «Поэт вечной женственности»: «Душа женщины — в теле мужчины. В седом старике-исполине, Иване Сергеевиче Тургеневе, — маленькая Жанетта, четырнадцатилетняя девочка. <...> Женственное прекрасно в женщине, а в мужчине кажется “бабьим”, слабым, лживым, предательским, подлым — тем, за что порой “убить мало”. <...> Он “свой брат” женщинам, и они это чувствуют и влекутся к нему, но до известной черты: он слишком соответствен, параллелен женщине, чтобы пересечься с нею в одной точке, соединиться окончательно: близок, неразлучен, но несоединим, неслиян. <...> Это в жизни — это и в творчестве. Естество женское, от века безгласное, едва ли не впервые нашло свой голос в Тургеневе. Может быть, не только в русской, но и во всемирной поэзии нечто небывалое, единственное — тургеневские женщины и девушки. <...> Кажется иногда, что и на своих героев-мужчин (вечных женихов и любовников) он смотрит глазами женскими, влюблен в них, как женщина» [4, с. 73–74].

Тургенев и Некрасов были отнесены Мережковским к «женской» линии русской культуры, прежде всего, по характеру их творчества: один воспевает влюбленность-девственность, другой — любовь к Матери и Родине. Замечательно созвучие характеристики Некрасова в ответе на вопрос анкеты и в книге «Две тайны русской поэзии»: «Его поэзия волевая, боевая по преимуществу. Мысль и чувство переходят в волю, как свет в огонь — под зажигательным стеклом. Вот почему стихи его “жгутся”. <...> Вся его поэзия — огонь из кремня» [5, с. 430]. Есть тут и совпадение метафоры огня. В своем ответе Мережковский переносит на истолкование личных отношений характеристику творчества: «бабье» в Тургеневе и волевое, деятельное — в Некрасове. Но остается ощущение, что в осмыслении обеих психологических «загадок» — отношений Тургенева и Л. Толстого и Тургенева и Некрасова — главным все же было понимание, вернее, непонимание психологии творчества именно Тургенева, несмотря на многочисленные попытки Мережковского ее понять и пояснить.

Ответ на вопрос о «народолюбии Некрасова» отражает точку зрения Мережковского, высказанную еще в лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Но она скорректирована после революции 1917 г. «Как я уже сказал, в “народолюбии” Некрасова очень много условного и фальшивого. Человек бесконечно трезвого и холодного ума, беспощадного скепсиса, Некрасов не мог не понимать, что нельзя поклоняться русскому народу в данном его состоянии, как высшей идеальной правде; не мог не понимать условности “демократии”, как религии. Но у него не было достаточно ясного религиозного сознания, чтобы победить эту ложную религию. Подлинною религиозной любовью Некрасов любил не “народ”, так называемые “массы”, безличный и бездушный коллектив, которому поклоняется современная “демократия” (такая же условная как бывшая “аристократия”), а живое лицо, живую душу народа — то еще не узнанное, не явленное, таинственное религиозное существо, которое называл он “Родина Мать”. Россия неизмеримо больше, чем “русский мужик”, Родина неизмеримо больше, чем “народ” — это Некрасов, может быть, смутно предчувствовал, но никогда не понимал с полной ясностью. В этом недостатке сознания — его роковая слабость и слабость всей русской общественности, за которую, повторяю, мы теперь так кроваво расплачиваемся» (*Мережковский Д.С.* Записи с ответами на вопросы о Н.А. Некрасове, поставленные в анкете К.И. Чуковским [1919] июля 9. Авт. с подписью. Лл. 2–2об.). Характерна правка, сделанная Мережковским в этом ответе. Он зачеркнул «и двусмысленного» («много условного и фальшивого и двусмысленного»), «ясного» («холодного ясного ума»), «религиозной» и «как Богу» («религиозной идеальной правде; как Богу»), «религиозного сознания» («с полной ясностью религиозного сознания»).

И если первые две правки можно отнести на счет поиска более удачного выражения, то другие свидетельствуют об отказе подчеркивать именно ту сторону личности Некрасова, которую он выдвигал на первый план в книге «Две тайны русской поэзии»: «Есть два рода людей. Одни верят или знают (тут знание и вера одно и то же), что, несмотря на всю неправду и зло мира, он все-таки в корне добр: “Все добро зело”. А из веры в добро — и воля к добру: Сейте разумное, доброе, вечное! Это — христиане, не в историческом временном, а в метафизическом, вечном смысле, хотя бы они во Христа не верили. Другие верят или знают, что мир в корне зол: “Все зло зело”, все к худу. Сколько ни сей доброе, вырастет злое. Это — не христиане, опять-таки в смысле вечном, хотя бы они во Христа и верили. К первому роду людей принадлежит Некрасов» [5, с. 480–481]. Видимо, в новой социокультурной ситуации говорить о не проясненном религиозном сознании Некрасова было не к месту.

Последний вопрос, поставленный Чуковским, посвящен «распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек». Мережковский писал: «Не хуже других людей, только строже к себе и откровеннее. А судьи его и обличители — фарисеи, которые радуются: “Благодарю, Тебя, Господи, что я не как сей мытарь”. Но, конечно, “порочный” Некрасов выше всех своих “добродетельных” судей» (*Мережковский Д.С.* Записи с ответами на вопросы о Н.А. Некрасове, поставленные в анкете К.И. Чуковским [1919] июля 9. Авт. с подписью. Л. 2-об.).

Ответы Мережковского на вопросы анкеты Чуковского завершают некрасовскую тему в его творчестве. Со времени написания лекции «О причинах упадка...» его взгляды на личность и творчество Некрасова, в сущности, изменились мало. После революции он более откровенно судил его стихи о народе, подозревая поэта в спекулятивном использовании этой темы, и обнажил свое истинное понимание «женского»

и «мужского» начал в русской культуре. Конечно, Некрасова он мыслил принадлежащим к могучей линии, которую характеризует как проявление деятельной, активной, преобразующей, а не созерцательной и пассивной творческой силы. В ответах Чуковскому произошло разрушение той искусственной конструкции, которую Мережковский воздвиг в работах «Две тайны русской поэзии» и «Поэт вечной женственности». Его интуитивно-тонкое и убедительное определение доминант русской культуры в случае с Некрасовым споткнулось о противоречие, обнажившееся в ответе на вопрос анкеты. То, что выглядело более или менее убедительным в области эстетики, при переносе в область личных отношений не выдержало проверки житейским, бытовым началом.

* * *

История с публикацией ответов Мережковского на вопросы некрасовской анкеты уточняет представления и о тактике Чуковского (см. также: [1, с. 171–185]). Сама мысль об анкетировании была для него довольно характерной: известно несколько его инициатив такого рода. Идея опросить современников и подготовить юбилейную публикацию о Некрасове тоже принадлежит к ряду подобных замыслов Чуковского. Правда, составители «путеводителя по выставке» связали его с намерением повторить проведенный газетой «Новости дня» в декабре 1902 г. опрос о Некрасове [7, с. 3], а сам Чуковский — со своим замыслом работы о Некрасове: «Готовясь к изучению жизни и творчества любимого моего поэта, я, естественно, счел нужным обратиться к своим современникам, чтобы выяснить, как воспринимают поэзию Некрасова внуки и правнуки того поколения, к которому было обращено его творчество» [14, т. 4, с. 13].

Обратим внимание, что в первой публикации анкеты было 8, а не 10 вопросов. В публикации 1926 г. Чуковский выпустил 8 вопрос и сменил нумерацию. Потому в анкете оказалось 9 вопросов, среди которых не было просьбы ответить на утверждение Тургенева, «будто в стихах Некрасова “поэзия и не ночевала”». Таким образом, последним в редакциях 1926 и 1930 г. оказался вопрос о безнравственности. Публикация 1930 г. почти полностью повторяет редакцию 1926 г. В финале Чуковский напечатал несколько ответов Сологуба, но ответа о безнравственности Некрасова среди них не было. А. Ахматова отвечала, что это мнение не изменило ее «представления о Некрасове» [12, с. 313]; А. Блок, — что Некрасов «был страстный человек и “барин”, этим все и сказано» [12, с. 313]. Вяч. Иванов отнесся к этому утверждению «едва ли не как к сплетне», а В. Маяковский сообщил, что перестал интересоваться ответом «по недостатку материалов» [12, с. 313]. М. Волошин писал, что давно симпатизировал Некрасову из-за противоречий в его личности: «ибо я ценю людей не за их цельность, а за размах совмещающихся в них антиномий» [12, с. 313], а Гумилев отвечал: «Ценю в его безнравственности лишнее доказательство его сильного темперамента» [12, с. 313]. Среди тех, кто не стал отвечать на вопрос по существу, оказались только М. Горький и В. Кирилов.

Редакции материалов, опубликованных Чуковским на основе анкеты, свидетельствуют о его тонком понимании текущей репутации поэтов и их места в общественной и литературной иерархии. В конце 1910-х гг. все названные им поэты еще находились в одном поле культуры как наиболее известные и признанные, к которым следует обращаться с подобными вопросами. Публикация 1926 г. говорит об уточнении иерархии: Чуковский не только исключает «белоэмигрантов», что естественно в условиях политического размежевания, но и вводит в число тех, кого следовало спросить о Некрасове, имена Н. Асеева, М. Волошина, Ф. Сологуба, Н. Тихонова, М. Герасимова, В. Кири-

лова, А. Крайского, И. Садофьева. Интересно, что новая иерархия продемонстрирована им и графически: фамилии поэтов располагаются по алфавиту — Асеев, Ахматова, Блок, Белый, Волошин, Городецкий, Горький, Гумилев, Иванов, Кузмин, Маяковский, Сологуб, Тихонов, а затем проведена разделительная черта и даны ответы Герасимова, Кирилова, Крайского и Садофьева. Ответы молодых пролетарских поэтов визуально отделены от ответов известных и маститых авторов, но в число авторитетных уже включены Асеев и Тихонов. В публикации 1930 г. список поэтов выглядит как вполне сложившийся: сохраняется прежний порядок, но первые от вторых графически больше не отделяются. Это своего рода список лучших русских поэтов 1930 г., достойных того, чтобы говорить о Некрасове, по версии Чуковского.

В «Чукоккале», однако, иерархия поэтов вновь уточняется: «Наиболее серьезны в Чукоккале, — писал Чуковский, — краткие этюды о личности и поэзии Некрасова, написанные по моей просьбе Горьким, Блоком, Маяковским, Тихоновым, Максимилианом Волошиным, Федором Сологубом, Вячеславом Ивановым и другими в виде ответов на составленную мною анкету» [18, с. 13]. И действительно, в альманахе приведены ответы Сологуба, Блока, Вяч. Иванова, Маяковского, Ахматовой и Волошина, в некоторых случаях с автографами. Здесь же, в примечании к ответам Блока, Чуковский прокомментировал вопрос о безнравственности Некрасова, завершавший анкету в двух последних редакциях: «Может показаться странным, почему я задавал один и тот же, казалось бы, ненужный вопрос о моральном облике Некрасова. Это объясняется тем, что многим читателям в те времена были еще памятливы ошибочные суждения о личности великого поэта, высказанные Тургеневым, Герценом, П. Ковалевским и другими» [18, с. 215]. Вопрос анкеты 1919 г. был построен, однако, на «известном утверждении Тургенева». Так что и здесь Чуковский адаптирует принятое им когда-то решение к тем представлениям, которые сложились к моменту его работы над материалом.

В своем рассказе о публикации «Чукоккалы» Е. Чуковская заметила: «За семьдесят лет своей литературной деятельности он привык работать исключительно для печати. В стол для себя он писал только Дневник. Поэтому чукоккальский комментарий отражает не столько то, что мог и хотел сказать о своем альманахе Чуковский, но — то, что он считал возможным напечатать» [10, с. 18]. Это в полной мере относится и к публикациям некрасовской анкеты, каждый раз формировавшимся не только в связи с творческим заданием Чуковского, но и в соответствии с текущей социокультурной ситуацией.

Список литературы

Исследования

- 1 Федотова С.В. Воспоминание с отброшенным ключом: Чуковский о Мережковских // Вестник славянских культур. 2022. Т. 64. С. 171–185.

Источники

- 2 Брюсов и Белый о Некрасове / публ. М. Блинчевской // Дружба народов, 1972. № 6. С. 286.
- 3 Лернер Н. Некрасовские номера петербургских журналов и газет // Книга и революция. 1922. № 3. С. 91.
- 4 Мережковский Д. Поэт вечной женственности // Мережковский Д. Невоенный дневник. 1914–1916. Петроград: К-во «Огни», 1917. С. 65–77.

- 5 *Мережковский Д.С.* Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // *Мережковский Д.С.* В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет / сост. Е. Данилова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 416–482.
- 6 *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений: в 20 т. / подгот. текста, послесл. Е.А. Андрущенко; примеч. Е.А. Андрущенко при участии Н.Г. Андрущенко. М.: Дмитрий Сечин, 2021. Т. 10. Л. Толстой и Достоевский: Исследование. 816 с.
- 7 Некрасов вчера и сегодня: Путеводитель по выставке / сост. Э.С. Красовская, В.Н. Леонович, Е.Ц. Чуковская. М.: [б. и.], 1988. (Центральная городская публ. б-ка им. Н.А. Некрасова). Вып. 2. 112 с.
- 8 *Репин И.* [8 писем 1910–1926 гг. / предисл. Л. Гут] // Искусство. 1936. № 5. С. 81–103.
- 9 *Репин И.Е., Чуковский К.И.* Переписка. 1906–1929 / подгот. текста и публ. Е.Ц. Чуковская и Г.С. Чурак; коммент. Е.Г. Левенфиш и Г.С. Чурак. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.
- 10 *Чуковская Е.* «Чукоккала» и около. Статьи, интервью. М.: Русский Мир, ИПЦ «Жизнь и мысль», 2014. 475 с.
- 11 *Чуковский К.* Некрасов и мы // *Летопись Дома литераторов.* 1921. № 3. С. 3.
- 12 *Чуковский К.* Современные поэты о Некрасове (Анкета) // *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л.: Кубуч, 1926. С. 388–394.
- 13 *Чуковский К.* Приложение. Поэты о Некрасове // *Чуковский К.* Рассказы о Некрасове. С прилож. статей о поэзии Некрасова. 2-е изд. кн. «Некрасов». М.: Федерация, 1930. С. 307–314.
- 14 *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 15 т. 2 изд., испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. Т. 4 / сост., коммент. Е. Чуковской. 592 с. Т. 8 / сост. и подг. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской. 736 с. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 12 / коммент. Е. Чуковской. 656 с. Т. 14 / общ. ред., подг. текстов и коммент. Е. Ивановой и Е. Чуковской. 688 с.
- 15 *Чукоккала.* Рукописный альманах Корнея Чуковского / предисл. И. Андроникова. М.: Искусство, 1979. 447 с.

***

© 2023. Elena A. Andrushchenko
Moscow, Russia

K.I. CHUKOVSKY'S NEKRASOV QUESTIONNAIRE AND D.S. MEREZHKOVSky

Abstract: The paper examines D.S. Merezhkovsky's responses to the famous Nekrasov questionnaire by K.I. Chukovsky, who presented it to his contemporaries by publishing some of the responses in "Chronicle of the Writers' club" (1921). In the preface he pointed out the modernists' decisive role in reviving the poet's legacy during the 20th century. In the second (1926) and third (1930) editions Chukovsky changed the list of surveyed poets, which suggests that as a publisher he intended to reflect the new literary hierarchy. In his three publications of the Nekrasov questionnaire he justified his decisions by the views he assumed while working with the material and by the current sociocultural situation. The paper focuses on the handwritten draft of D.S.

Merezhkovsky's responses (1919), which appeared partly in the first edition and were only fully published in 1988. Merezhkovsky was more outspoken than before in his judgement of Nekrasov's poems about the people, suspecting poet's speculation on this subject. He also exposed his true attitude to the "feminine" and "masculine" streams of the Russian culture. His responses to Chukovsky deconstructed the artificial concept that he had established in his works "Two mysteries of Russian poetry" and "The poet of eternal femininity". His intuitively delicate and convincing definition of the currents of Russian culture ran into a contradiction with Nekrasov that emerged in his response. In truth he regarded Nekrasov as a figure of the "masculine" stream of culture, which is a driving, active, rather than a contemplative and passive creative element.

Keywords: Chukovsky, Nekrasov, Repin, Merezhkovsky, Turgenev, Nekrasov Questionnaire, Handwritten Draft.

Information about the author: Elena A. Andrushchenko — DSc in Philology, Professor, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4961>

E-mail: Andrushenko2013@gmail.com

Received: July 17, 2022

Approved after reviewing: July 30, 2022

Date of publication: March 29, 2023

For citation: Andrushchenko, E.A. "Nekrasov Questionnaire by K.I. Chukovsky and D.S. Merezhkovsky." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2023, vol. 67, pp. 174–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-174-185>

References

- 1 Fedotova, S.V. "Vospominanie s otbroshennym kliuchom: Chukovskii o Merezhkovskikh" ["A Memory with a Discarded Key: Chukovsky on the Merezhkovskys"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 64, 2022, pp. 171–185. (In Russ.)